

Эта забавная история случилась с моей дочерью Люсей, когда она училась в 10 классе. Проходили советскую классику — поэзию Бориса Пастернака.

Литературу вела дама неопределённого возраста. В её облике выделялась одна выразительная деталь — огромные роговые очки, напомилавшие корабельные иллюминаторы, за которые получила кличку «Водолаз». Она обожала русскую классику XIX и начала XX века, мысленно представляя себя в образах тургеневской Лизы и Незнакомки Блока одновременно. Но и соцреализм оказал своё влияние: преобладал авторитарный стиль преподавания, жёсткое навязывание собственного мнения. Она могла с лёгкостью взорваться по пустяку, зайти в истерическом визге, за что класс её дружно не любил и побаивался.

Но самым опасным было потревожить Водолаза во время «медитации», когда она, медленно проплывая вдоль рядов парт, декламировала наизусть стихи. Манерой чтения Водолаз напоминала Ахмадуллину — также растягивала слова и чуточку подвывала. Стихов она знала много, поэтому «медитации» случались частенько. Класс любил их: можно было малость расслабиться, а поскольку Водолаз подолгу находилась к ученикам спиной, соорудить кому-то рожицу, послать записочку или попросту положить голову на руки, прикрыв глаза. Главное — не спугнуть Водолаза. И если подобное изредка случалось, её реакция была молниеносной и истерической. Недаром говорят: «не буди лиха, пока оно тихо».

И ещё было крайне важно не пропустить окончания «медитации» — Водолаз, мгновенно сняв возвышенно-отрешённое выражение лица, начинала пристально всматриваться в лица учеников: насколько отразилась в их глазах глубина великого поэтического слога. Но класс научился мастерски изображать искренний интерес к бессмертным виршам и многозначительно молчать — начинать говорить надлежало только Водолазу. Кто-то закатывал глаза, кто-то их мечтательно прикрывал, а кто-то, подперев рукой щеку, задумчиво глядел в окно. В особо «трудных» случаях сверлился оценивающим взглядом каждый ученик. Результат визуального изучения определялся по интонации голоса — по ней безошибочно угадывалось удовлетворение (или неудовлетворение) от восприятия учениками текста, что существенно влияло на дальнейший ход урока.

В тот день разбирали «Снег идёт» — произведение замечательное, недаром Пастернак удостоился Нобелевской премии именно за сохранение и приумножение традиций классической русской литературы.. Вторую жизнь стиху дал бард Сергей Никитин, положив его на ритмично-музыкальную основу. Я любил эту песню, часто исполняя её под гитару — приятная мелодия лишь подчёркивала гениальность строк...

И вот после небольшого введения в тему Водолаз приступила к привычной «медитации». Зазвучали волшебные строки, пусть и не в самом желанном исполнении.

*Снег идёт, снег идёт.
К белым звёздочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплёт.*

Снегопад, случившийся почти полвека назад поздней московской осенью, вызвал радостное смятение и предчувствие неизбежного очищения земли не только у поэта, но и у комнатных теплолюбивых растений, приютившихся на подоконнике.

*Снег идёт, и всё в смятеньи,
Всё пускается в полёт, —
Чёрной лестницы ступени,
Перекрёстка поворот.*

Воздушный хоровод стремительных «белых звёздочек» увлекает за собой, обещая скорое облачение всего вокруг в новые роскошные белые одеяния...

Как рассказывала мне дочь, стихотворение заворожило. Я, говорит, совсем забыла о Водолазе, ощущая рядом с собой только тебя и почти явственно слыша твой голос под гитару. Представилось, что мы все снова вместе на даче, под берёзками, у дымящего мангала — один большой, размером с целый мир, позитив...

*Снег идёт, снег идёт,
Словно падают не хлопья...*

И вдруг!!! Как гром среди ясного неба.

*А в ЗАШТОПАННОМ салоне
Сходит наземь небосвод.*

Идиллический мираж мгновенно исчез. В реальный мир грубо и бесцеремонно вторглась Водолаз. Как — в «заштопанном»? Почему — в «заштопанном»? С какой стати — в «заштопанном»? Папа поёт не так!

— В «ЗАПЛАТАННОМ»!!! — произвольно, почти рефлексивно, протестующе вскрикнула Люся. Класс вздрогнул от неожиданности и напряжённо замер: такой наглости ещё никто не смел себе позволить. Покуситься на «святая святых» — медитацию Водолаза. Неслыханно!

Водолаз как будто споткнулась. Придя в себя через несколько секунд, она резко обернулась в сторону наглеца и, судорожно сглотнув, возопила:

— В чём дело, Муратова?! — её взгляд прожигал насквозь.

— В заплатанном! — Уже менее эмоционально повторила дочка. — «В заплатанном салоне сходит наземь небосвод»! А не «в заштопанном»!

Только в этот момент Люся осознала случившееся. Стало закрадываться сомнение: а вдруг папа поёт неправильно? Всё-таки не папа, а Водолаз много лет преподавала литературу, регулярно «медитируя» под «Снег идёт». И если пресловутый салон действительно не «латался», а «штопался», даром это дочке не пройдёт. Даже под ложечкой у неё засосало...

То был момент истины, установить которую мог только сам великий Пастернак — требовался первоисточник.

— Ну, хорошо! Сейчас проверим!

Водолаз с решительным видом ринулась к своему столу. Тяжело плюхнувшись на стул, она резко выгнула переплёт поэтического сборника, и — «хырст-хырст-хырст...» — стала нервно перелистывать страницы. На её щеках играли желваки, лицо заливал румянец негодования. Класс оцепенел: на карту было поставлено многое. В случае правоты Водолаза всем бы досталось по полной — и за жестокий XX век, выкосивший под корень почти всех тургеневских Лиз, и за травлю Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии, и за недостаточно пылкую любовь школяров к великой русской литературе. А уж Люсе бы... Лучше про это вообще не думать.

Наконец нужная страница была найдена. Водолаз замерла и... чуть заметно обмякла.

— Действительно... «В заплатах»... — несколько неуверенно негромко выдавила она из себя.

«У-а-а-аххх...» — глубокий выдох эхом прокатился по классу. В нём переплелись облегчение и восхищение. Десятки восторженных глаз разом устремились на Люсю: вот это знания!

Однако торжествовать было рано. Безусловно, авторитет дочки в классе взлетит до небес, мальчишки ещё больше будут доставать со своей любовью. Но вот Водолаз... Её реакция могла быть непредсказуемой. Конечно, невольный инцидент на уроке мгновенно замялся, ведь развить ситуацию было не в интересах учителя, да и великий Пастернак несомненно остался бы довольным. И тут звонок на перемену вернул всех к жизни.

Придя домой, Люся сняла с книжной полки томик Пастернака. Теперь его бессмертное творчество приобрело для дочери новое звучание. Понятно, что отныне на уроках литературы ей придётся пахать за двоих: Водолаз «заплатанный салоп» просто так не забудет. Как говорится, «взялся за гуж...».

Зато Пастернак стал любимым поэтом дочери, а через год в её аттестате красовалась заработанная усердным трудом, честная «пятёрка» по литературе.

